

J. Edwards. Multilingualism. London; New York, 1994. 237 p. *Power and inequality in language education* / Ed. by J.W. Tollefson. Cambridge University Press. 1995. 212 p.

Начиная с 60-х гг. социалингвистика на Западе переживает несомненный расцвет. Публикуется множество монографий и сборников статей как общетеоретического, так и конкретно-прикладного характера. К сожалению, у нас большинство из них известно очень мало. Две рецензируемые работы последних лет достаточно типичны с точки зрения общей направленности западных социалингвистических исследований, их методики и сферы интересов. В обеих книгах очевидно стремление критически оценить языковые ситуации в современном мире и выработать те или иные рекомендации на будущее: в качестве теоретической основы в книгах используются, с одной стороны, лингвистические теории последнего времени, прежде всего связанные с дискурсом, с другой стороны, социологические концепции. Среди последних, как видно из двух рецензируемых и ряда других книг, по-прежнему приоритетными остаются концепция М. Вебера и идеи разных течений марксизма и неомарксизма (например, в обеих книгах упоминается А. Грамши); то и другое в разных пропорциях используется едва ли не всеми рассматриваемыми нами авторами.

Книга американского социалингвиста Дж. Эдвардса в основном посвящена вопросам двуязычия и многоязычия, весьма активно сейчас разрабатываемым на Западе: сравнительно недавно появилось несколько

серьезных книг на эту тему [Skutnabb-Kangas 1983; Laponse 1987]. В то же время она затрагивает и некоторые более общие проблемы. В частности, в ней содержится полемика со многими направлениями лингвистики XX в., стремившимися "очистить" науку о языке от социальных проблем. Приводя слова Н. Хомского о том, что социалингвистические исследования могут быть полезны для образовательных программ, но банальны с теоретической точки зрения, Дж. Эдвардс замечает, что хомскианцы под "теорией" понимают изучение компетенции и глубинных структур, что позволяет все сводить к строгим правилам, отвлекаясь от социально обусловленного хаоса (с. XI). Но и хаос надо изучать.

Отмечает Дж. Эдвардс и односторонность свойственного практически всей лингвистике XX в. полного отказа от прескриптивного, нормативного подхода к языку. Он понимает, что подобный отказ имел свои основания, в том числе и стремление к научности, поскольку прескриптивизм всегда имеет лежащие за пределами науки основания (с. 172). Однако тем самым лингвисты полностью отстранились от проблем языковой нормы и языковой политики, хотя они могут выполнять полезную роль арбитров (с. 164). Последнее замечание не вполне верно, например, в отношении нашей страны: хорошо известны, например, участие ученых-лингвистов России и СССР в разра-

ботке орфографических норм русского языка и огромная лингвистическая работа по "языковому строительству" в СССР в 20–30-е гг. Но сам Дж. Эдвардс подчеркивает, что критикуемая им точка зрения больше всего свойственна англоязычным странам, где издавна в отличие, например, от Франции (добавим от себя, и от России) отрицательно относились к каким-либо официальным языковым нормам, не создавали учреждений типа Французской академии и не писали академические грамматики и словари.

В связи с этим Дж. Эдвардс цитирует ироническое замечание У. Мак-Кея "языки равны только перед Богом и лингвистом" (с. 102). С любой иной точки зрения не может быть равенства между английским языком и вымирающим языком индейского племени. Дж. Эдвардс выделяет две полярные точки зрения: о полном невмешательстве в языковое развитие и о возможности полного им управления; первая точка зрения свойственна ученым-лингвистам, вторая – дилетантам: обе точки зрения непродуктивны и надо искать оптимум (с. 205).

Такое же стремление найти "золотую середину" свойственно и другим тезисам Дж. Эдвардса. Он довольно подробно рассматривает существующие точки зрения на двуязычие и одноязычие, отмечая ненаучные основы большинства из них; в частности, он пишет, что обсуждение проблем так называемого полуязычия обычно имеет политические и идеологические обертоны (с. 58). В США, где даже изучение иностранных языков в школе затруднено из-за отсутствия у учащихся стимула к их освоению (с. 192), в общественном сознании господствует идея о связи одноязычия с успехом и высокой культурой, а двуязычия – с бедностью и отсталостью (этим идеям уделяется много внимания и во второй из рецензируемых нами книг). Существуют даже экспериментальные "подтверждения" связи двуязычия с умственной отсталостью. Дж. Эдвардс рассматривает всю совокупность разноречивых исследований данного вопроса и приходит к выводу, что никаких доказательств такой связи (как и обратного соотношения) не существует (с. 71). Отметим, что столь же низкий научный уровень и зависимость от политических и идеологических факторов показали и дискуссии о пользе или вреде двуязычия, проходившие в СССР в годы перестройки, в частности, в журнале "Дружба народов" [Айдар 1988; Хинт 1988].

Автор книги подчеркивает, что двуязычие и многоязычие – не отклонение от

нормы, а естественное явление, свойственное большинству населения мира (с. 1). Одноязычие большинство населения США (добавим, и так называемые русскоязычные в СССР и России) – скорее исключение, чем правило. Дж. Эдвардс исследует различные типы многоязычия, подчеркивая, что практически равного владения языками не бывает: у каждого человека какой-то язык первый, какой-то второй и т.д. (с. 3). В книге рассматриваются ситуации в различных странах, где проблема двуязычия и многоязычия в той или иной степени актуальна: США, Канаде, Ирландии, Франции, Сингапуре и т.д. Отметим, что СССР и Россия (как и другие постсоветские государства) упоминаются в книге лишь эпизодически, а то и совсем, что сказано (например, о позиции В.И. Ленина в языковом вопросе на с. 137), показывает малую осведомленность автора. Впрочем, это свойственно большинству западных социолингвистов, специально не занимающихся славистской или тюркологией; об ирландских или индийских проблемах знают намного лучше.

Дж. Эдвардс подчеркивает, что взаимодействие языков – динамический процесс, связанный с социальной напряженностью: "Языки в контакте легко делаются языками в конфликте" (с. 89). Точнее, конечно, идет борьба не языков, а групп интересов (с. 205–206). Помимо несовпадения однотипных интересов разных групп могут быть интересы разного типа. Как и во многих других работах, в книге разграничиваются инструментальные и сентиментальные функции языка: первые связаны с его эффективным использованием как средства коммуникации, вторые – с этническими чувствами того или иного народа. Часто язык, потеряв реальную коммуникативную роль, сохраняет эмоциональное значение (с. 128).

С инструментальной точки зрения и прежде всего в связи с развитием общемировых экономических процессов выгодно использование немногих (в идеале – одного) крупных языков и вытеснение малых и средних. Упомянуто, что на английском языке издается более половины научных журналов мира, ведется более 75% переписки, хранится более 80% компьютерной информации (с. 41). Однако этому противостоят сентиментальные функции многих языков. Дж. Эдвардс пытается вывести некоторые общие законы происходящих процессов, например, чем больше языков находятся в контакте, тем быстрее деградируют все из них, кроме

того, который приобретает роль лингва франка (с. 115); такие обобщения, безусловно, нуждаются в проверке. В то же время подчеркивается общность мировых процессов (хотя и протекающих с разной скоростью) везде, в том числе, что специально оговорено (с. 196), в капиталистических и коммунистических странах. Это касается не только вытеснения малых языков большими, но и противоположного процесса защиты сентиментальных функций языка: приводятся высказывания И. Гердера, В. фон Гумбольдта, А. Доде, ирландских и азербайджанских националистов (с. 131–135), которые оказываются очень похожи друг на друга.

Как и по вопросам о сознательной языковой политике и роли двуязычия, Дж. Эдвардс старается найти оптимум и при обсуждении перспектив развития конкурирующих тенденций. Он в равной степени отказывается как от безоговорочного признания прогрессивности вытеснения малых языков большими (такое вытеснение приводит ко многим конфликтам), так и от стремления спасти вымирающие языки любой ценой; в связи с этим он весьма скептически относится к концепциям языковой экологии (с. 142–144). Он спрашивает защитников исчезающих языков: учитывают ли они при этом желания самих носителей языков? (с. 208). Здесь же он указывает на неудачи ряда подобных попыток и на разочарование некоторых лингвоэкологов в своей деятельности (с. 208). Во всяком случае для спасения погибающего языка или расширения функции более "благополучного" языка меньшинства необходим весь комплекс мер, прежде всего социально-экономических; вырванные из контекста отдельные стороны, например, развитие школьного обучения, неэффективны (с. 188). Для многих малых народов существует неизбежная дилемма: либо продолжать жить отсталой сельской жизнью, либо отказаться от своего языка (с. 107). И такой отказ идет: в Великобритании в 1974 г. умер последний носитель мэнского языка, а в Турции в 1985 – последний носитель убыхского (с. 21).

Вторая рецензируемая работа – сборник статей социолингвистов и преподавателей языка из США, Великобритании и Австралии, изданный под редакцией Дж. У. Толлефсона. Если Дж. Эдвардс придерживается умеренно-"центристской" позиции, то авторы сборника – специалисты четко выраженной левой ориентации, в основном марксисты (хотя идеи М. Вебера также ими используются широко). Однако их марксизм

в ряде вопросов отличается от марксизма XIX в. (и тем более от ленинизма): один из авторов, А. Пенникок критикует классический марксизм за недооценку языка и культуры и прямолинейное выведение культуры из экономики (с. 47). Это так называемый неомарксизм, основанный помимо идей К. Маркса и Ф. Энгельса, на концепциях А. Грамши, Г. Маркузе и др. Но сохраняется понимание современного западного общества как капиталистического, где социальные противоречия смягчены по сравнению с XIX в., но не устранены и где одним из орудий власти является язык. Здесь авторы в основном разделяют концепцию английского социолингвиста-марксиста Н. Ферклу, автора сравнительно недавно вышедшей книги [Fairclough 1989], неоднократно цитируемой в данном сборнике. Из библиографий к статьям видно, что социологическая и социолингвистическая литература подобной направленности в США и Великобритании достаточно многочисленна. Наряду с ней в сборнике, как и в книге Н. Ферклу, упоминается и книга В. Н. Волошинова–М. М. Бахтина (см. с. 21–22 сборника), которая современными западными левыми (в отличие от наших современных интерпретаторов) однозначно оценивается как марксистская. Другие советские работы 20–30-х гг. с попытками построить марксистскую лингвистику не учитываются прежде всего из-за отсутствия их переводов на английский язык.

Сборник состоит из предисловия Дж. У. Толлефсона, кратко описывающего его содержание, и девяти глав (фактически – статей). Статьи, основанные на анализе разного материала, объединены как общим подходом, так и общностью проблематики: языковые конфликты в многоязычных странах, неравенство языков, двуязычное обучение, прежде всего как средство компенсации лингвистического неравенства.

Статья Э. Р. Ауэрбах "Политика в классной комнате, где обучают английскому языку как второму: проблема власти в педагогическом выборе" исследует процесс обучения в школах английского языка для взрослых иммигрантов в США (автор – преподавательница в одной из таких школ). Э. Р. Ауэрбах подчеркивает, что в таких школах помимо чисто языкового ведется и идеологическое обучение: учеников учат "американскому образу жизни", причем в последнее время произошел некоторый сдвиг: раньше в учебных программах на первом плане было обучение демократическим ценностям, теперь – приобретение навыков жизни в потребительском

обществе. В некоторых программах прямо речь идет о необходимости смириться со своим положением, подчиняться боссу и пр. Ученикам внушается идея необходимости скорейшего отказа от родного языка как необходимого условия для адаптации в США (некоторые учителя даже требуют от учеников платить по 25 центов за каждое высказывание на родном языке). Все это автор статьи рассматривает как использование языка и обучения в качестве средства идеологической власти; сама традиционная классно-урочная система рассматривается ею как вид неравенства, господство учителя над учениками. Выход из положения видится в расширении прав учеников, предоставлении им возможности самим подбирать приемлемые для них учебные тексты, а также в ломке традиционной классно-урочной системы и обучении через неофициальный разговор учителя с учеником.

Наиболее теоретична в сборнике статья А. Пенникок "Английский язык в мире / Мир в английском языке", посвященная мировой роли данного языка. Автор активно спорит с господствующей точкой зрения (в целом разделяемой и в книге Дж. Эдвардса) о нейтральности процесса расширения функций английского языка, ведется полемика с индийским социолингвистом Б. Качру. Тем более выражается несогласие с идеями о естественности и благотворности данного процесса. "Нейтралистская" точка зрения связывается А. Пенникок с позитивизмом и структурализмом. В противовес этому подчеркивается роль английского языка в господстве богатых, прежде всего англоязычных стран над бедными и в установлении неравенства между англоязычным и неанглоязычным населением в самих англоязычных странах. Некоторые языки вроде чаморро на принадлежащем США о-ве Гуам исчезают под давлением английского, но еще больше это давление заметно в его распространении в качестве второго языка: международная роль всех остальных языков резко уменьшается. В связи с последним процессом упомянуты события 80–90-х гг. в Восточной Европе. Правда, в конце статьи упоминают, что социальная роль английского языка может быть различной: например, в ЮАР и ряде других африканских стран именно на английском языке шла борьба с колониализмом. Однако хотя с английским языком могут связываться разные курсы, требующие разной оценки, в целом главная задача – борьба за ограничение его роли.

Соглашаясь с автором статьи в том, что языков, полностью нейтральных в социальном отношении не бывает, нельзя не отметить, что все-таки степень нейтральности языков различна и, в частности, английский язык может оказаться если не абсолютно, то относительно нейтральным. Не случайно, что главным оппонентом А. Пенникок оказывается именно индийский автор: в многоязычной Индии, где всякая попытка поднять роль одного из местных языков, прежде всего хинди, вызывает резкий протест у носителей других языков, английский язык, оказывается наиболее нейтральным: он "ничей" и в то же время достаточно известен, а воспоминания колониального периода через полвека уже перестали быть актуальны. Тем более нет оснований отрицать естественность процесса экспансии английского языка, хотя вполне естественна и ответная отрицательная реакция многих на этот процесс, и попытки ему сопротивляться.

В статье Д.У. Гегео и К.Э. Уотсон-Гегео "Язык понимания и власть на Соломоновых островах" описывается школьная система на этих островах после достижения в 1978 г. независимости. Все школьное обучение ведется здесь на английском языке, хотя им владеет не более 10–15% населения. Хотя количество школ, в том числе сельских, довольно велико, уровень обучения очень низок. Учителя, присылаемые из других районов, обычно не знают родной язык детей и плохо владеют английским, а дети не видят стимула для освоения английского языка. В результате обучение принимает характер ритуала, язык не выучивается и лишь усиливается разрыв между городом и деревней.

Более оптимистичную картину по сравнению со статьями Э.Р. Ауэрбах и супругов Гегео рисует статья М. Мартин-Джонс и М. Саксена "Поддержка или сдерживание двуязычия?", основанная на опыте школ для детей иммигрантов, прежде всего индийцев, в Северо-Западной Англии. В условиях полного отсутствия квалифицированных двуязычных педагогов эффективной оказалась система, при которой обучение ведут два человека: профессиональный педагог, знающий только английский язык, и его ассистент (вернее, ассистентка) из индийцев, владеющих английским языком. Функции такой ассистентки разнообразны: от перевода слов учителя до самостоятельного рассказа или показа, на ее долю также падает общение с родителями детей. Она выполняет двойную роль: младшего учителя

и "тетушки". В результате дети осваивают английский язык, не теряя родного.

Пожалуй, наиболее интересна для нас статья С.К. Соннтаг "Состязания элит и движения за официальный язык", где анализируется опыт языковых движений XX в. на материале четырех стран: языковой борьбы фламандцев и валлонов в Бельгии между мировыми войнами, попыток сделать хинди (первоначально – хиндустани) основным государственным языком Индии, движения за объявления английского языка государственным в США в 80-е гг. и деятельности Народных фронтов в республиках СССР в период перестройки. Во всех случаях, по мнению автора, культурно-языковые проблемы не играли самодовлеющей роли: за ними стояли политические и экономические интересы не стоявших у власти и нередко, особенно поначалу, маргинальных элит. Эти элиты старались занять то или иное место во власти и использовали языковые лозунги (в той или иной степени отражавшие реально существующее языковое неравенство) как средство сплочения масс. Подчеркиваются некоторые различия данных движений: в США движение чисто консервативно, в других странах в них участвовали левые и правые. Но С.К. Соннтаг прежде всего старается показать общность процессов в странах разных систем и культур.

Раздел, посвященный СССР, занимает у С.К. Соннтаг лишь две страницы (105–107) и основан только на англоязычных источниках. Тем не менее ее оценки заслуживают внимания. Она констатирует языковую дискриминацию нерусского населения в СССР начиная со сталинского времени, но суть проблемы видит в конфликте "центр–периферия". Главный процесс, по мнению автора статьи, борьба между тремя элитами: центральной советской, региональными партийными элитами, конфликтовавшими с центром еще до перестройки, и поначалу маргинальными национальными некоммунистическими элитами. Борьба центральной и местной власти, лишь в малой степени имевшая языковую окраску, с началом гласности сменилась борьбой центра с бывшими маргиналами, тогда как местная власть как слишком "промосковская" обычно была оттеснена на задний план или объединилась с центром. На этом этапе средством консолидации масс вокруг некоммунистической национальной элиты стала (особенно в Прибалтике и Молдавии) проблема языка, активно поднимаемая активистами Народных фронтов. С выдвиганием на

первый план более радикальной идеи национальной независимости языковые проблемы вновь ушли в тень.

Лишь попутно затронутый у С.К. Соннтаг вопрос о консервативно-языковом движении в США специально стал темой статьи Т.С. Донахью "Американская языковая политика и компенсаторное мнение" (рассмотрен этот вопрос и у Дж. Эдвардса). В законах США никогда не было пункта о государственном языке, может быть потому, что долго у этого языка в стране не было реальных конкурентов. Положение несколько изменилось в 60–70-е гг. в связи с либеральным движением за гражданские права, в результате которого появились школы на языках меньшинств, прежде всего на испанском, в ряде штатов было введено многоязычное голосование. Все это вызвало обратную реакцию у консерваторов. В 1981 г. сенатор С. Хаякава (японец по происхождению) внес законопроект о конституционном признании английского языка государственным. Несмотря на сочувственное отношение президента Р. Рейгана, проект на федеральном уровне не прошел, но в 12 штатах после референдумов соответствующие законы были приняты; в основном это традиционно консервативные штаты Юга, но также Иллинойс и Калифорния. В результате всякая возможность использовать какого-либо языка, кроме английского, в государственной сфере была в этих штатах исключена, что вызвало протесты и заявления о дискриминации. В статье подробно изложена фактическая сторона дела.

Все же вряд ли права С.К. Соннтаг, приравнивая данное, несомненно, консервативное движение к движениям против языковой дискриминации в Прибалтике или Фландрии. Позициям английского языка независимо от его формального статуса в США реально ничего не угрожает, речь может идти лишь о самом минимальном сокращении его функций. Гораздо хуже в США положение всех прочих языков, опять-таки независимо от законодательства. Об этом идет речь в статье О. Гарсия "Испанский язык, потерянный как определитель дохода среди латиноамериканцев в США". Как в ней сказано, в США господствует представление о нежелании многих испано-американцев интегрироваться в "американский образ жизни", в частности, перейти на английский язык как главной причине их бедности и тяжелой по американским меркам жизни. Автор старается разоблачить этот, по ее

мнению, миф и проводит статистическое исследование о соотношении между уровнем владения английским языком и уровнем доходов у испано-американцев разных категорий. В целом прямая корреляция этих параметров, однако, подтверждается за одним исключением: это кубинские эмигранты. Их уровень доходов – наивысший среди прочих американцев латиноамериканского происхождения, но степень владения английским языком несмотря на сравнительно высокий образовательный уровень – ниже средней.

Б.М. Балливерт в статье "Идеологические влияния на языковые и культурные возможности: австралийский пример" описывает особенности культурно-языковой политики в Австралии. Здесь начиная с 1973 г., когда у власти находились лейбористы, перешли от традиционной для англоязычных стран политики государственной поддержки английского языка к крайне либеральной политике всеобщего двуязычного обучения. В соответствии с ней каждый гражданин Австралии должен владеть двумя языками: родным и английским, если он иммигрант или абориген, английским и иностранным, если он – носитель английского языка. В статье описываются этапы данной политики. Показано, что проекты с трудом соответствуют реальности, введение двуязычного обучения шло тяжело и заняло больше времени, чем предполагалось, но все же постепенно стал устанавливаться необходимый компромисс между планами и жизнью.

В последней статье Н.Х. Хорнбергер "Пять гласных или три? Наука и политика в языковом планировании кечуа в Перу" показано, как даже вопрос о составе гласных фонем может стать политическим. В 80-х гг. в Перу решили изменить орфографию кечуа по строго фонемному принципу, в том числе из алфавита изъяли буквы *e* и *o*, поскольку соответствующие звуки – лишь аллофоны *i* и *u*. Сразу обозначился конфликт между осуществившей реформу столичной испаноязычной элитой Лимы и национальной элитой кечуа, сосредоточенной в г. Куско, центре культуры этого народа. Элита кечуа выступила за традиционную, уже привычную орфографию, и началась "орфографическая война", не закончившаяся до сих пор.

Можно по-разному относиться к теоретическим идеям рассматриваемых книг, но они представляют несомненный интерес как с точки зрения представленных фактов, так и в связи с содержащимися в них наблюдениями и оценками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдар Халим* 1988 – Язык мой – друг мой // Дружба народов. 1988. № 6.
Хинт М. 1988 – Двуязычие и национализм // Дружба народов. 1988. № 5.
Fairclough N. 1989 – Language and power. L.; N.Y., 1989.
Laponce J.A. 1987 – Languages and their territories. Toronto; Buffalo; London, 1987.
Skutnabb-Kangas T. 1983 – Bilingualism or not. The education of minorities. Clevedon, 1983.

В.М. Алпатов